

Дмитрий Хитров

Рец. на: Л.Г. Степанова. Природа и благосостояние: освоение окружающей среды русским крестьянином в эпоху Средневековья и раннее Новое время. СПб.: Алетейя, 2021. 632 с.

Dmitriy Khitrov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: L.G. Stepanova. Priroda i blagosostoyaniye: osvoeniye okruzhayushchey sredy russkim krest'yaninom v epokhu Srednevekov'ya i rannee Novoe vremya. Saint Petersburg, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23010145, EDN: PPSNSO

Вопрос о воздействии природы на общество является одним из самых старых в общественных науках, и традиция его обсуждения восходит к французскому Просвещению XVIII в. В современной западноевропейской и американской науке сложилось заметное направление так называемой истории окружающей среды, или экологической истории, как это понятие часто переводят на русский (*environmental history*). В рамках данного научного течения особое внимание уделяется вопросам использования природных ресурсов (земельных, водных, лесных, рыбных и проч.), а также влиянию этих процессов на состояние природной среды. Одновременно изучается и обратное влияние: выработка механизмов использования природных богатств (например, его правовое регулирование), а также реакции обществ на катаклизмы вроде наводнений или засух. В рамках этого подхода история обществ предстаёт как история поиска людьми «устойчивых» или «самодостаточных» моделей существования, когда ресурсы не расходуются или возобновляются, а само общественное развитие не оказывает на окружающую среду разрушающего воздействия.

В отечественной историографии сложилась традиция изучения воздействия природы на общество, берущая начало с трудов С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского, но общий подход к этой проблеме был отличным от сложившегося в зарубежной историографии, ориентированным на исследование воздействия природы на процессы колонизации и, шире, на те ограничения, которые ставила природа развитию крестьянского хозяйства. В советской литературе вопрос о влиянии природно-климатического фактора на общественное развитие практически не рассматривался, поскольку не находил удовлетворительного объяснения в рамках жёстких марксистских схем.

Во второй половине 1990-х гг. Л.В. Милов предложил концепцию истории России раннего Нового времени как общества с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта¹. Учёный показал, что влияние природы на аграрное общество, сформировавшееся в зоне рискованного (и даже экстремального) земледелия, не сводилось к формированию локальных особенностей хозяйства и общественных отношений. Такое общество должно было выработать

мощные институты, позволявшие компенсировать постоянное, крайне негативное воздействие природных факторов. Положения Милова вызвали дискуссию в науке. Его концепция принята многими специалистами и успешно работает для объяснения целого ряда конкретных сюжетов (работы М.Б. Булгакова, А.А. Горского, Н.В. Козловой, Е.Н. Швейковской). В то же время центральный сюжет в концепции учёного, связанный с использованием природных ресурсов, исследован явно недостаточно, и работа Л.Г. Степановой, продолжающей традиции Милова, является важным шагом в этом направлении.

Поставив цель комплексно изучить крестьянское хозяйство как эко-социальный организм, проанализировать его развитие и хозяйственное положение в зависимости от влияния окружающей среды (с. 15) на масштабном временном отрезке «от эпохи Средневековья, когда в Русском государстве появляются писцовые и переписные книги, до Нового времени, когда в Российской империи Екатериной II проводится Генеральное межевание земель», Степанова вступила на поле, на сегодняшний день остающееся почти не затронутым исследованиями. Это видно по обширному «проблемно-историографическому очерку», составляющему первую главу монографии. Если в области демографической истории и истории сельскохозяйственного производства отечественной наукой достигнуты значительные результаты, то природный фактор в советской литературе затрагивался в первую очередь географами; немногочисленные западные работы основаны преимущественно на позднем материале второй половины XIX – XX в., и лишь в последние два десятилетия под влиянием работ Милова стали появляться исследования по более раннему периоду.

Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники организованы таким образом, что изучение воздействия природных факторов на общественное развитие затруднено. Не секрет, что исследование социально-экономической истории России XVII–XVIII вв. основано прежде всего на материалах государственного делопроизводства, в особенности на документах, связанных с учётом населения (переписные книги и ревизии), и земельных кадастрах (писцовые книги и Экономические примечания к Генеральному межеванию). Эти документы, возникновение которых связано прежде всего с задачами учёта подданных и их обложения налогами и повинностями, отличаются высоким качеством даже по европейским меркам (не говоря о мире за пределами Европы, где подобные им системы учёта населения и хозяйства отсутствовали вплоть до XIX в.). В то же время возможности государства были ограничены из-за отсутствия развитого и многочисленного аппарата на местах (что, в свою очередь, явилось прямым следствием общей низкой продуктивности сельского хозяйства и малочисленности неземледельческой части населения). Описания проводились редко, требовали большого напряжения сил, и невозможно было систематически отследить ни постоянно колеблющиеся урожаи, ни, тем более, всю сложную и разнообразную деятельность крестьян. Поэтому как фискальный, так и «общеэкономический» интерес государства фокусировался на фиксации основных, очень медленно менявшихся параметров общественного развития: населения и земли. Таким образом, источниковая база оказывается в высшей степени статичной, в то время как предмет исследования требует рассмотрения в динамике.

Стоит отметить, что государство, организуя этот учёт преимущественно

но для контроля за соответствующими сферами жизни общества и возложения налогов, параллельно имело в виду цели более общего порядка, так сказать, «изучения производительных сил». Именно поэтому писцы и переписчики, организаторы ревизий и землемеры Генерального межевания собирали огромное количество сведений, которые не имели прямого применения с точки зрения функционирования государственной машины: возраст людей в переписных книгах и ревизских сказках, сенокосы и перелог в писцовых книгах и др. Особенной обширностью отличалась программа описания, сопутствовавшего проведению Генерального межевания. Она включала в себя помимо вычисления размеров различных угодий множество сведений о природной среде: оценку характера почвы и урожайности различных культур, видовой состав лесов, перечни известных в данной местности диких зверей, птиц и рыб. Все эти материалы недооценены в отечественной историографии и лишь в последние годы стали привлекать внимание исследователей. Их подробная характеристика даётся во второй главе книги Степановой.

Исследование основано на обширном материале РГАДА, дополнено документами из других федеральных и региональных архивов. В центре внимания автора — территория Новгородской земли, по которой, с одной стороны, сохранился масштабный и очень ранний комплекс писцовых описаний, а с другой — имеются материалы Генерального межевания. Помимо них Степанова привлекает широкий круг других памятников, вводит в научный оборот выявленные ею черновики Экономических примечаний, полевые записки землемеров, спорные и мелочные дела (с. 70—128).

Третья глава показывает, как на протяжении исследуемого периода

менялись заселённость новгородских земель, типы поселений, размеры крестьянского двора и его трудовые ресурсы. Исследуя эти традиционные для отечественной историографии сюжеты, Степанова на новгородских материалах подтверждает наблюдение о постепенном увеличении размера двора в течение XVII—XVIII вв. (с. 217).

Четвёртая глава посвящена пашенным землям и оценкам их качества в источниках. В ней также разбирается вопрос о том, как были связаны с природными условиями система расселения и демография в северо-западных губерниях России. Вопрос о влиянии качества почв на крестьянское хозяйство ставился во множестве общих работ, но никогда ранее не был предметом специального исследования, основанного на массовых источниках. Как писцы, так и межевщики отмечали качество почв, но делали это по-разному. Если для писцовых описаний важна была общая оценка плодородия — земля делилась на «добрую», «среднюю» и «худую», причём от этой оценки зависел объём обложения, — то в материалах Генерального межевания фиксировался характер почвы («иловатая», «серопесчаная» и т.п.), а также сообщалось, какие посевные культуры на этой почве рождаются хорошо, посредственно или плохо. Сопоставительный анализ этих данных показал, что оценки XVI и XVIII вв. не всегда совпадают, причём в разных районах писцы склонны были высоко оценивать разные по характеру типы земли (с. 260—300). Это сопоставление дополнено ещё одним важным рядом данных — материалами почвенных описаний XIX — начала XX в., позволяющих точнее интерпретировать характеристики, оставленные наблюдателями XVIII в. Наконец, полученная картина соотнесена Степановой с самыми ранними имеющи-

мися материалами — писцовыми книгами конца XVI — начала XVII в., где использовалась обещная система налогообложения, основанная на оценке урожайности земель (с. 333—362). Мозаичная картина, складывающаяся из сделанных наблюдений, показывает, насколько сложной была адаптация крестьянского хозяйства к природным условиям: один и тот же тип почв в зависимости от сугубо местных обстоятельств и условий (например, от уровня увлажнения) мог восприниматься и как ценнейшая пашенная земля, и как бесперспективная, малоценная залежь.

В пятой главе автор обращает внимание на соотношение активно вовлечённых в хозяйственный оборот и неосвоенных земель (с. 363—381). Вычисления на основе статистики Генерального межевания показывают, что даже в конце XVIII в. крестьянин Новгородской земли жил в окружении лесов и болот. Эта ситуация нехарактерна для Западной Европы, где уже в Средневековье леса активно использовались, а крупные массивы по-настоящему «диких» лесов являлись большой редкостью. Вероятно, дальнейшие исследования выявят и значительные отличия в характере лесопользования в районах Нечерноземья и Центрального Черноземья. Особо стоит отметить анализ упоминаний в Экономических примечаниях зверей, птиц и рыб. Эти уникальные материалы позволили автору оценить дополнительные возможности, предоставляемые крестьянскому хозяйству охотой и рыболовством, и сопоставить картину распространения различных биологических видов с современными данными (с. 381—428).

В шестой, завершающей главе Степанова, исходя из сделанных на-

блюдений, предприняла попытку оценить общий уровень благосостояния крестьянского хозяйства, построить его приблизительный хлебный бюджет в разные века. Этот сюжет давно исследуется автором, ему посвящена значительная часть её кандидатской диссертации, написанной на материалах писцовых книг. Сейчас, когда её наблюдения дополнены данными XVIII и XIX вв., можно уверенно говорить, что речь идёт о постоянном, системном воздействии природно-климатического фактора на возможности крестьянского хозяйства: из приведённых расчётов видно, что даже в конце XVIII в. при урожайности сам-3 (которая далеко не всегда была такой) «в большинстве новгородских пятин сохранялся дефицит бюджета при поступлении доходов только от хлебопашества и животноводства» (с. 449—473).

Работа Л.Г. Степановой является по-настоящему новаторской, в ней впервые поставлены многие вопросы, важные для понимания ключевых процессов социально-экономической истории России раннего Нового времени. Ещё большее значение имеют предложенные ею подходы к источникам, позволяющие увидеть в них масштабные пласты новой информации, на которые исследователи ранее не обращали внимания. Несомненно, что в будущем, с развитием этого важного направления в отечественной науке, сделанные наблюдения станут важной частью общей картины взаимодействия природы и общества.

Примечание

¹ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2008.